

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Л. И. ТРОФИМОВА

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ*

Почти до рассвета горел свет в окнах Наркоминдела, разместившегося после переезда из Петрограда в Москву в особняке на углу Спиридоновки. Здесь обосновались секретариат наркома и его заместителя, а также отделы Запада и Востока. Отдел личного состава и хозяйственных дел вместе с Отделом виз расположились в бывшем доме Рябушинского на Малой Никитской, а Отдел денежных переводов и ссуд — в здании, находящемся в Ваганьковском переулке.

Из Петрограда вместе с Г. В. Чичериным приехало 67 человек. Работу по организации наркомата приходилось проводить почти заново. Л. М. Карахан, назначенный в марте 1918 г. заместителем наркома, почти все организационно-хозяйственные функции взял на себя. Чичерин почувствовал, что работать стало легче. Мы, писал он в одном из писем, «на полуслове друг друга понимаем, без траты времени на рассуждения и без труда распределяем работу, абсолютно привыкнув делить ее друг с другом»¹.

А жизнь выдвигала одну проблему за другой. Международное положение Советской республики было сложным. Невзирая на Брестский мир, правящие круги Германии продолжали агрессивную политику в отношении Советской России, и германские войска, не считаясь ни с какими демаркационными линиями, постепенно продвигались вперед. В марте 1918 г. они заняли Донбасс, потом двинулись на Дон, где оказали помощь генералу Краснову по формированию и вооружению белогвардейской армии для борьбы против Советского государства. А затем стали просачиваться дальше и дальше в глубь России. В апреле германские войска вторглись в пределы Курской губернии.

Все более угрожающей становилась и политика стран Антанты. Уже с декабря 1917 г., когда было заключено соглашение между Англией и Францией о разделе «зон влияния» в России, они готовили вооруженное вторжение. Первая высадка войск интервентов произошла 9 марта 1918 г. в Мурманском порту с английского крейсера «Глори».

В этих условиях советская дипломатия должна была проявить максимум гибкости и выдержки. Все важные вопросы, связанные с внешней политикой, Чичерин решал только по согласованию с В. И. Лениным. «В первые годы существования нашей республики,— вспоминал Чичерин,— я по несколько раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частных непосредственных бесед, и нередко обсуждал с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости»².

* Окончание. Начало см. в № 6, 1971 г. нашего журнала.

¹ С. Зарницкий, А. Сергеев. Чичерин. М., 1966, стр. 139, 140.

² Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 276, 277.

В конце марта 1918 г. наибольшую угрозу для молодой Советской республики представляло наступление германских войск со стороны Украины. Проблема установления демаркационной линии на Украинском фронте стала первостепенной. 2 апреля В. И. Ленин провел заседание Совнаркома по вопросу об открытии мирных переговоров с Центральной Украинской радой.

Именно в тот день было получено сообщение о вступлении германских войск и отрядов гетмана Скоропадского в пределы Курской губернии. В телеграмме в адрес украинского гетмана и министерства иностранных дел Германии Чичерин писал: «Народный Комиссариат Иностранных Дел протестует против занятия бесспорно русской территории»³.

Когда Чичерин отправил телеграмму, ему доложили, что его хочет видеть вернувшийся этой ночью из Берлина П. М. Петров, который ездил в Берлин с официальным извещением германскому правительству о ратификации Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов мирного договора, заключенного в Бресте. Чичерин хотел принять Петрова, но оказалось, что его осаждают журналисты. Так, чтобы всем было слышно, Петров громко рассказывал: «Когда я прибыл в Берлин, договор с Россией обсуждался в рейхстаге. Я присутствовал при обсуждении и сидел в дипломатической ложе, как раз над головами консерваторов. Обсуждение договора носило очень страстный характер. Консерваторы и другие пангерманцы добивались передвижения границ вплоть до Пскова и Нарвы, а на Украине они требовали добиться выхода германской армии к морю. С другой стороны, независимые социал-демократы, представляющие рабочих Берлина, вели решительную атаку против всякого договора, характеризуя политику германского правительства как разбой и грабеж по отношению к России. Они требовали отказа от аннексий и контрибуций. С первого дня,— подчеркнул Петров,— я выступал в социалистических органах печати со статьями, освещавшими советскую точку зрения. Эти мои выступления были встречены очень живо широкими массами, и меня с первого же дня осаждали корреспонденты различных газет. Обмен ратификационными грамотами,— подытожил Петров,— состоялся 29 марта в 8 час. вечера»⁴.

Это интервью о ратификации Германией Брестского договора было опубликовано 4 апреля, а на другой день Советской России был нанесен новый удар, теперь уже на Дальнем Востоке. 5 апреля командующий японским флотом адмирал Като высадил во Владивостоке десант и обратился к местному населению с воззванием, в котором извещал, что Япония берет на себя охрану «порядка». Вместе с японцами во Владивостоке высадился отряд английских солдат. В. И. Ленин, узнав об этом, срочно телеграфировал ЦИК Советов Сибири о необходимости проведения серьезной военной подготовки. В телеграмме он сообщал: «С послами переговоры должны начаться у нас сегодня»⁵.

В Наркоминдел на Спиридоновку были вызваны находившиеся в Москве представители Англии, Франции и США. Чичерин принял их в своем кабинете вечером 5 апреля. «Советское правительство,— заявил он,— выражает протест против насильственного вторжения иностранных войск на территорию Российской Республики и глубоко сожалеет по поводу того, что державами Согласия было допущено это выступление, явно направленное против Советской власти. Естественный выход из создавшегося положения есть немедленное удаление высадившихся войск»⁶.

Представители держав Антанты обещали довести это заявление до сведения своих правительств. При этом они утверждали, что десант во Владивостоке — это якобы инцидент чисто местного значения и что конфликт может быть вскоре улажен.

Было ясно, что интервенция на Дальнем Востоке будет расширяться. 7 апреля В. И. Ленин составил директиву Владивостокскому Совету, в которой указывал: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил.

³ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1959, стр. 224.

⁴ «Известия», 4.IV.1918.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 56.

⁶ «Известия», 6.IV.1918.

Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и железнодорожных материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями»⁷

В тот же день В. И. Ленин, выступая на митинге в Алексеевском манеже в Москве, со всей откровенностью подчеркнул серьезность положения: «Мы переживаем теперь самые тяжелые месяцы революции. Идет голод, в полном напряжении сил мы должны с ним бороться... Нас душит Германия, на нас наступает Япония»⁸.

В этих трудных условиях В. И. Ленин считал необходимым использовать империалистические противоречия, всеми средствами добиваясь продления мирной передышки. В письме С. Г. Шаумяну, написанном 14 мая 1918 г., Ленин подчеркивал: «Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии»⁹. Учиться дипломатии приходилось в жестокой борьбе, в условиях развертывавшейся интервенции. Трудно приходилось и первым советским представителям за рубежом.

* * *

В последний день марта 1918 г. по одной из отдаленных тихих улочек северного предместья Лондона не спеша шел дипломатический курьер Советской России Гольцман. Он направлялся к советскому полпреду М. М. Литвинову. Найдя среди однообразных маленьких домов нужный дом, он постучался. Дверь открыла жена Литвинова — Айви Вальтеровна, просто одетая молодая женщина. Гольцман вошел в небольшую, скромно обставленную комнату, единственным украшением которой, если не считать ярко горевшего камина, была полка, на которой стояли тома британской энциклопедии, история Парижской коммуны и другие книги на русском и английском языках. Литвинов сидел за столом, одетый в поношенный коричневый пиджак и пил чай, наливая его из чайника, который тут же грелся на камине. Завязалась беседа. Литвинов с юмором описывал, как его осаждают журналисты и публикуют массу заметок о нем, не всегда достоверных.

— А это ведь действительно интересно: первый советский дипломат в Англии. Я хоть и не журналист, но не могли бы Вы, Максим Максимович, рассказать о себе, — попросил Гольцман.

Литвинов улыбнулся и не очень охотно начал рассказ.

— Происхожу я из мелкобуржуазной семьи. Отец мой когда-то был хлеботорговцем. Детство и юношество ушли в весьма туманную даль, и из этого периода жизни очень мало что помню. Не стоит об этом рассказывать. С социалистическим движением впервые познакомился, когда мне было 17—18 лет. В 1901 г. как член Киевского комитета РСДРП был арестован. В том же году случилось событие, которое имело решающее влияние на дальнейшую мою жизнь и работу. Будучи в тюрьме, я узнал от заключенных там агентов ленинской «Искры» в России об этой газете.

С волн нам сообщили, что работают над организацией побега, чтобы спасти всех товарищей. Побег удался. В августе 1902 г. из Киевской тюрьмы бежали 11 человек. После II съезда РСДРП, окончившегося расколом, я примкнул к ленинскому крылу партии. В 1903 г. вернулся нелегально в Россию и стал там работать уполномоченным ЦК по северо-западному краю, куда входили Рига и Варшава. В качестве делегата от Рижского комитета я принимал участие в III съезде партии в Лондоне; в 1905 г. был командирован партией за границу для закупки оружия. После поражения революции 1905 г. пришлось эмигрировать за границу. В 1907 г. вновь вернулся в Россию и ездил по поручению ЦК в Поволжье и на Урал для организации областных партийных конференций. Попад под наблюдение полиции, вынужден был в конце года выехать за границу. С тех пор я нахожусь в Лондоне. В 1907 г. был делегатом и секретарем российской делегации на Международном конгрессе в Штутгарте. Состоял секретарем лондонской группы большевиков, участвовал в Бернской конференции заграничных групп в 1912 г. Вот, собственно, все наиболее существенное из моей жизни.

Литвинов встал и взял со столика подготовленный для диктатора пакет. Сообщение в Москву получилось длинным. Первое письмо он направил в НКИД в январе

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 216.

⁸ Там же, стр. 214, 215.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 74.

1918 г. с одним возвращавшимся в Советскую Россию товарищем, и вот теперь, когда прибыл курьер из Москвы, можно было отправить второе письмо. Он вынул его из конверта и еще раз внимательно пробежал первые листки: «Невежественная в иностранных делах, не разбирающаяся во всех сложных внутренних перипетиях русской революции английская печать долго недоумевала... и склонна была рассматривать переворот [в октябре 1917 г.] как явление эфемерное, а скорое возвращение к власти Керенского, вполне обеспеченным... Печать отражала или создавала настроение в стране и в широких рабочих массах. Но война, рост цен, недостаток продуктов, перспектива новых наборов в [армию] оказывали революционизирующее влияние на английский пролетариат и подготавливали его к восприятию и пониманию лозунгов пролетарской революции в России»¹⁰⁻¹¹.

В письме Литвинов наряду с характеристикой общеполитической обстановки в Англии обстоятельно обрисовал свое положение в Лондоне как посла Советской России, сообщил о предпринятых им шагах. Но мог ли он в одном письме рассказать о всех тех сложностях, с которыми пришлось ему здесь столкнуться как представителю Советской России в Англии. Он был назначен на этот пост 17(30) декабря 1917 г. Официальный документ гласил: «Именем Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Гражданин Литвинов сим назначается Уполномоченным Народного Комиссариата по Иностранным Делах в Лондоне. Все чины Посольства, Военной Миссии и все вообще должностные лица Российской Республики, пребывающие в настоящее время в Великобритании по служебным делам, приглашаются по первому требованию гражданина Литвинова сдавать ему текущие дела, документы, а также находящиеся в их распоряжении денежные суммы из Государственных средств Российской Республики. Всякое противодействие распоряжениям Литвинова в указанном смысле будет приравнено к государственному преступлению»¹².

Об этом М. М. Литвинов узнал только 4 января 1918 г. из вечерних лондонских газет. В это время Литвинов работал в помещении «Индия Хауз» секретарем директора Московского народного банка (кооперативного). Известие о его назначении полпредом сразу же облетело все этажи «Индия Хауз», и к нему немедленно стали приходить с поздравлениями многочисленные служащие. Кое-кто из них тут же предлагал услуги в качестве работников.

5 января Литвинов направил первую ноту в английское министерство иностранных дел, в которой извещал о своем назначении полномочным представителем НКВД в Великобритании. «Следует предполагать,— писал Литвинов,— что Правительство его в-ва официально извещено о вышеуказанном. Я был бы рад узнать, когда мне будет удобно посетить Министерство иностранных дел для обсуждения некоторых срочных практических вопросов, возникающих из моего назначения»¹³.

10 января пришел вежливый и корректный ответ, в котором от имени министра иностранных дел Бальфура сообщалось, что принять М. М. Литвинова Бальфур не может, поскольку Советское правительство не признано английским правительством, однако он считает весьма желательным поддерживать с Литвиновым контакт. В качестве неофициального канала для этих целей М. М. Литвинову предложили воспользоваться услугами молодого чиновника Рекса Липера. С Липером Литвинов был знаком уже давно и даже как-то давал ему уроки русского языка. Теперь это старое знакомство Форин оффис решило использовать в дипломатических целях. Первоначально деловые встречи Литвинова с Липером происходили где-нибудь в кафе или в одном из лондонских парков.

Корректное на первых порах отношение к Литвинову со стороны английских властей объяснялось их заинтересованностью в установлении контактов с Советской Россией. После отъезда из Петрограда английского посла Бьюкенена английский МИД искал возможности направить в Советскую Россию своего представителя. Выбор пал на опытного разведчика Брюса Локкарта. Назначение Литвинова давало удобный повод для этой цели. 14 января 1918 г. Брюс Локкарт направился в Советскую Россию. А

¹⁰⁻¹¹ «Правда», 10.V.1918.

¹² АВП СССР. Распоряжение НКВД 17(30) декабря 1917 г. о назначении М. М. Литвинова.

¹³ АВП СССР. Нота М. М. Литвинова от 5 января 1918 г.

через несколько дней МИД Англии информировал Литвинова о предоставленном ему праве на основе взаимности пользоваться шифром и дипкурьерской связью.

Не дожидаясь инструкций из Москвы, Литвинов приступил к организации советского представительства в Лондоне, снял несколько меблированных комнат на третьем этаже шестизэтажного дома по Виктория стрит. Небольшой штат он скомплектовал из своих товарищей по работе в «Индия Хауз», а также из русских политических эмигрантов, еще не успевших вернуться в Советскую Россию. На дверях представительства была вывешена табличка «Русское Народное Посольство».

Одновременно в Лондоне продолжало существовать бывшее царское посольство во главе с временным поверенным в делах Набоковым. 18 января Литвинов направил ему с одним из сотрудников письмо с требованием передать советскому представителю здание посольства, денежные средства и документы. Набоков принял посланца Литвинова вежливо, но холодно ответил, что, если бы Советское правительство было официально признано британским правительством, он не замедлил бы уйти в отставку, но пока такого признания нет, требования Литвинова он считает необоснованными. Аналогично поступил и царский генеральный консул в Лондоне Ал. М. Ону. Возмущенный Литвинов считал, что посольство и консульство нужно захватить силой. Но, посоветовавшись с товарищами, решил воздержаться от инцидентов.

А вскоре пришло письмо от Г. В. Чичерина, который писал: «Наше отношение к западноевропейской дипломатии корректное, но твердое, без заискивания, но не провоцирующее»¹⁴. Это письмо как бы подтвердило правильность занятой Литвиновым позиции, сдержанной и корректной.

Неудачно окончились попытки Литвинова установить контакты с бывшими российскими консулами в Глазго и Дувре. На просьбу доложить ему о положении дел в консульствах ответа не последовало. «Зато в другом отношении,— рассказывал Литвинов,— я имел бóльший успех: я отправил в Английский банк письмо с требованием наложения ареста на все суммы, внесенные туда царским правительством для выплаты моему посольству и царской военно-закупочной миссии в Лондоне. Банк принял мое письмо к исполнению, и царское посольство и военно-закупочная миссия перестали получать деньги»¹⁵.

Несмотря на трудности, работа постепенно налаживалась. Были изготовлены консульские марки, штампы, с 28 января 1918 г. начали визировать паспорта и исполнять другие необходимые консульские функции. Много сделал Литвинов для защиты русских граждан от насильственной мобилизации в английскую армию. Вопрос этот был сложным, поскольку английское правительство ссылалось на конвенцию, заключенную им с Временным правительством, на основании которой русские граждане призывного возраста должны были возвращаться в Россию или вступать в английскую армию. 31 января 1918 г. Литвинов направил в Форин офис ноту, в которой требовал прекратить действие вышеуказанной конвенции и освободить всех русских граждан, уже призванных на военную службу. Литвинов подчеркивал в ноте, что русские граждане справедливо возмущены тем, что их заставляют служить в армии и участвовать в войне, из которой их Родина вышла и ведет переговоры о мире.

В ответ на настойчивые требования советского представителя МИД Великобритании информировал 14 февраля Литвинова, что английское правительство решило прекратить вербовку русских граждан в английскую армию. Однако в качестве условия освобождения всех ранее забранных в армию Литвинову предложили доставить сведения с указанием места рождения каждого в отдельности. Советский полпред отверг это требование, настаивая на безусловном освобождении всех русских. Результатом явилась ускоренная отправка русских солдат в Египет. Литвинов знал, что по всем вопросам, связанным с воинской повинностью, английские власти консультируются со старыми посольством и консульствами. Не находя понимания у английских властей, Литвинов обратился к английской общественности.

Учитывая огромный интерес, который проявляли к событиям в России и к советскому представителю в Лондоне трудящиеся, Литвинов с первых дней своего назначения полпредом проводил большую работу, публикуя декреты Советского государства,

¹⁴ И. Горохов, Л. Замятин, И. Земсков. Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. М., 1966, стр. 32.

¹⁵ С. Ю. В о г о д с к и й. У истоков советской дипломатии. М., 1965, стр. 46, 47.

давая многочисленные интервью, печатая статьи и выступая на собраниях и митингах с разъяснением политики Советского правительства. Его деятельность получила поддержку рабочих организаций Лондона и в первую очередь русских рабочих, находившихся в Англии. В представительство шли от рабочих организаций приветствия и резолюции, одобрявшие политику Страны Советов.

Подписание мира Советским правительством в Бресте вызвало бешеную антисоветскую кампанию в английской буржуазной прессе. Реакционеры не скупились на клевету и по адресу советского представителя в Лондоне, требуя его ареста и высылки. Работать становилось с каждым днем труднее. В марте 1918 г. были арестованы и депортированы некоторые сотрудники советского представительства. Свидания с ними не разрешили. Под влиянием антисоветской пропаганды хозяин дома, в котором помещалось советское представительство, предложил очистить помещение в 48 часов. Литвинов отказался исполнить это незаконное требование, сославшись на заключенный с домовладельцем контракт. Когда же он пришел на другое утро в полпредство, то на дверях висел замок. По словам газет, домовладелец ночью вместе с полицией занял помещение. Суд, куда обратился Литвинов, в иске отказал.

Литвинову пришлось всю работу представительства перенести в собственную квартиру. А погромная агитация против Советской России в печати усиливалась, положение русских граждан в Англии все ухудшалось. Обо всем этом он написал в письме, направленном до Мескву вместе с курьером Гольцманом. Оно пришло в НКВД в апреле 1918 г.

* * *

В. И. Ленин придавал огромное значение работе по распространению за рубежом информации об истинном характере деятельности молодой Советской власти. Он был уверен, что в тот период именно Швейцария является тем местом, откуда можно будет знакомить страны Запада со всем, что происходит в России. В апреле 1918 г. В. И. Ленин неоднократно беседовал с Яном Антоновичем Берзиным (Я. Берзинь-Зиемелис), который по решению СНК был назначен советским полпредом в Швейцарии. Как вспоминал позднее Берзин, В. И. Ленин говорил ему: «Нужно работать так, чтобы Вас не могли обвинить в пропаганде. В Швейцарии... мы всегда находили приют, будучи эмигрантами, и свободно издавали свои органы»¹⁶.

Назначение Берзина в Швейцарию состоялось в результате предварительных переговоров, проведенных с представителями Швейцарии, во время которых швейцарское правительство согласилось принять советского дипломатического представителя. 10 апреля 1918 г. Г. В. Чичерин по поручению Совнаркома направил в швейцарское консульство в Москве следующую ноту. «Народный Комиссариат по Иностранным Делах доводит до сведения швейцарского консульства о назначении полномочного представителя Российской Федеративной Советской Республики при швейцарском Союзе гражданина Яна Берзина и просит Вас довести об этом назначении до сведения Швейцарского правительства»¹⁷.

Я. А. Берзин родился в 1881 г. в семье латышского крестьянина. В 1898 г. он приехал в Ригу и поступил в учительскую семинарию. Здесь он впервые включился в работу социал-демократических кружков, здесь начался его путь революционера. В 1901 г. по окончании семинарии Берзин был назначен преподавателем в школу в Цирстенской волости, где он прежде учился. Молодой учитель вскоре стал членом одной из лифляндских социал-демократических групп и по ее заданию вел осенью 1902 г. большую агитационную работу среди новобранцев в г. Вендене. За ним установили слежку. В 1903 г. он был арестован, в 1904 г. последовали второй арест и ссылка на 5 лет в Олонецкую губернию. Через год Берзину удалось бежать за границу, но начавшаяся в России революция зовет его на Родину. В августе 1905 г. он снова в Латвии. В середине декабря 1905 г. Берзина арестовали в г. Валке, где он руководил забастовкой железнодорожников. Только подложные документы спасли его от расстрела. Отпущенный летом 1906 г. на поруки, Я. А. Берзин переходит на нелегальное положение и уезжает в Петербург.

¹⁶ «Правда», 21.I.1925.

¹⁷ АВП СССР. Нота Г. В. Чичерина от 10 апреля 1918 г.

Маленький дачный поселок Куоккала под Петербургом вошел в его жизнь как одно из самых светлых воспоминаний. Здесь осенью 1906 г. он жил в одном доме с Лениным. Два месяца, проведенных под одной крышей с В. И. Лениным, сыграли огромную роль в жизни Я. А. Берзина. Под влиянием Ленина он вырастает в крупного партийного работника, в пламенного пропагандиста идей большевизма.

В 1908 г. в связи с угрозой ареста Берзин эмигрировал за границу: Дания, Франция, Швейцария, Бельгия. Берзин вошел в Заграничное бюро ЦК РСДРП и в ряд других учреждений партии. Все эти годы он последовательно отстаивал большевистскую линию. Начало первой мировой войны застало Берзина в Англии. В 1915 г. принимал участие в числе трех делегатов большевистской партии в Циммервальдской конференции. Полицейские репрессии вынудили Берзина летом 1916 г. покинуть Англию и переехать в Америку. В Россию Берзин возвратился после Февральской революции. В этот период он — член ЦК Социал-демократической партии Латвии. На VI съезде РСДРП(б) его избрали членом ЦК; на II съезде Советов — членом ВЦИК.

В феврале 1918 г. Берзин был назначен в заграничную комиссию ВЦИК. 17 февраля он вместе с А. М. Коллонтай выехал в Гельсингфорс, чтобы затем поехать в Швецию, Англию и Францию. Им было поручено распространять правду о задачах Советской власти, разъяснять Декрет о мире, который замалчивала буржуазная пресса. Кроме того, они должны были зондировать почву о возможности созыва европейской конференции по вопросу о борьбе за мир. В Гельсингфорсе в здании Сената их тепло встретили члены рабочего правительства Финляндии. А. М. Коллонтай, глава делегации, передала им привет от В. И. Ленина. На другой день делегация покинула Финляндию: «Мы плыли к берегам Швеции на небольшом пароходе, — вспоминала Коллонтай... — Ледокол, которым командовал старый капитан царского времени, должен был помочь нам пройти через льды, но он отказался это сделать и бросил нас на произвол судьбы. Мы оказались на пароходе, который к тому же получил повреждения, зажатых среди льдов между Або и Мариенхамом»¹⁸. Пришлось вернуться.

Теперь, в апреле 1918 г., Берзин в качестве полпреда должен был выехать в Берн. Но отъезд затягивался, потому что швейцарский представитель в Советской России занимал явно отрицательную позицию в этом вопросе. В ноте швейцарской миссии от 19 апреля 1918 г. было выражено согласие выдать Берзину визу на въезд в Швейцарию, однако подчеркивалось, что эта виза не означает признания его швейцарскими властями как официального представителя Советской власти при швейцарском правительстве.

В. И. Ленин предложил Я. А. Берзину со штатом миссии выехать в Берлин и там через советское подпредство добиваться согласия швейцарского правительства на его принятие в качестве представителя Советской страны. Вечером 3 мая 1918 г. Берзин и другие сотрудники миссии (всего 18 человек) выехали из Москвы. Швейцарский посланник в Берлине оказался значительно лояльнее петроградского коллеги и через несколько дней от имени своего правительства заявил, что назначенный Российским Полномочным представителем гражданин Берзин может ехать в Берн с семьей, но о персонале его миссии еще не принято решение. «При этих условиях, — с достоинством возразил Берзин, — я вынужден отказаться от предоставленного мне права».

Через несколько дней Берзин с радостью узнал, что в Москве одобрили его действия. В Берлин переслали копию ноты НКВД, направленной в швейцарское консульство в Москве 17 мая 1918 г. «Совершенно очевидно, — говорилось в ней, — что дипломатические гарантии распространяются на всех членов миссии. В России швейцарское представительство, дипломатическое и консульское, пользуется всеми присвоенными ему правами и привилегиями. Совершенно ясно, что в этом вопросе основным принципом является начало взаимности. Народный Комиссариат будет глубоко благодарен за скорый ответ». В результате твердой позиции Советского правительства вопрос был вскоре урегулирован.

И вот Берн. Можно с уверенностью сказать, что никогда еще швейцарская печать не уделяла столько внимания приезду дипломатического представителя, как в данном случае. Но отношение разных органов печати было часто диаметрально противополож-

¹⁸ Цит. по: М. М. И т к и н а. Революционер, трибун, дипломат. М., 1970, стр. 178.

ным. Шовинистические, проантантовские органы печати проводили откровенно анти-советскую, клеветническую кампанию. Им дружно вторил хор русских белогвардейских черносотенных газет во главе с так называемым «Русским бюро печати». Совсем иначе приезд советской миссии в Берн был встречен рабочими Швейцарии. Они приветствовали сотрудников миссии и выражали симпатии Советской России.

С утра 23 апреля все сотрудники миссии волновались: предстоял первый визит Я. А. Берзина к президенту Швейцарии Колондеру. Президент встретил советского полпреда доброжелательно. «Я рад Вашему приезду и охотно через Вас вступлю в сношения с теперешним правительством России,— сказал он, начиная беседу.— Однако эти сношения пока могут быть только деловыми». «Я надеюсь,— спокойно ответил Берзин,— что «фактическое» признание только по форме будет отличаться от официального». Берзину удалось добиться заявления со стороны президента, что в будущем швейцарское правительство не будет продолжать дипломатических сношений с прежней царской миссией.

27 мая в газетах Берна было опубликовано короткое сообщение о состоявшейся беседе. В нем подчеркивалось, что установление отношений с Советской Россией не является официальным, а имеет чисто практические цели. Это заявление швейцарского правительства о неофициальном положении советской миссии с самого начала ставило ее в трудное положение. Пользуясь этим заявлением, продолжала существовать и действовать старая русская миссия во главе с бывшим царским посланником Ан. М. Ону (братом генерального консула в Лондоне), группируя вокруг себя все анти-советские элементы Швейцарии. У Ону продолжало оставаться имущество русской миссии и ее архив.

Берзин созвал совещание. Долго обсуждали, как добиться закрытия старой миссии. Решили направить к Ону трех сотрудников с письмом от имени Берзина. Оно гласило:

«В Российскую миссию в Берне.

Декретом от 22 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров отозвал всех дипломатических представителей России за границей, в том числе и Вашей миссии, о чем в свое время были поставлены в известность все аккредитованные в Петрограде представители иностранных держав.

Постановлением того же Совета Народных Комиссаров от 9 апреля с.г. я назначен полномочным представителем Российской Социалистической Федеративной Республики Советов в Швейцарии, и 23 мая мною были переданы соответствующие документы г. Президенту Швейцарской Федеративной Республики.

Доводя о вышеизложенном до Вашего сведения, предлагаю Вам немедленно передать подателям сего... все документы, текущие дела, архивы, книги, счетоводство, наличные суммы, печати и вообще весь вверенный Вам инвентарь прежней Миссии.

Полномочный Представитель Российской
Социалистической Федеративной Республики
Советов в Швейцарии
Я. Берзин».

Прочитав письмо, Ону высокомерно заявил, что не хочет вести какие-либо переговоры по этому поводу. На другой день Берзин нанес визит министру иностранных дел Швейцарии Паравичини и попросил оказать содействие в получении имущества и архивов старой миссии. Из беседы с Паравичини выяснилось, что Ону уже побывал у министра и просил содействия.

Шли дни, и в советской миссии стало известно, что Ону производит «чистку» архивов. Берзин вновь заявил протест министру иностранных дел, указав, что ответственность за пропажу документов или за растрату денег, находящихся на счету старой миссии, ляжет на швейцарское правительство.

В результате протестов Берзина швейцарское правительство постановило опечатать все дела и имущество старой миссии с тем, чтобы передать это новой миссии после ее официального признания. Старая миссия перестала существовать. Тогда Берзин вступил в переговоры с домохозяином и договорился о найме помещения старой миссии. Это не на шутку встревожило чиновников министерства иностранных дел

Швейцарии. Они пытались помешать советской миссии. После долгой канители швейцарское правительство решило вывезти из здания всю мебель и остальное имущество. Только после этого сотрудники советской миссии смогли занять помещение.

Я. А. Берзина беспокоило, правильно ли он решает возникающие задачи с точки зрения Советского правительства. А связь с Россией была из рук вон плоха. Многое приходилось делать по своему усмотрению.

Большую тревогу вызывала у Берзина судьба русских граждан в Швейцарии. Уже в течение 8—10 месяцев никто из русских не получал из России денег, и вследствие этого находились в тяжелом состоянии не только эмигранты и бежавшие из плена солдаты, но также все студенчество, лечившиеся на курортах больные, застрявшие за время войны туристы и т. д. В советскую миссию ежедневно поступали просьбы о помощи. Особенно тяжелым было положение политических эмигрантов и интернированных русских солдат. В казармах, где ютились интернированные, был введен суровый режим. Их посылали на принудительные работы, главным образом на осушение болот, где они работали по колено в холодной воде. Вследствие этого почти все страдали ревматизмом.

Берзин настойчиво добивался у швейцарских властей разрешения на их выезд в Советскую Россию. Благодаря его энергичным действиям репатриация русских солдат из Швейцарии началась. Труднее было добиться разрешения швейцарских властей о пропуске через швейцарскую территорию русских солдат, находившихся во Франции и бедствовавших там. В конце сентября Берзин получил сообщение от Г. В. Чичерина, что вопрос удалось урегулировать при переговорах в Москве. Это произошло так. Швейцарское правительство было заинтересовано в развитии торговли с Советской Россией. Намечались торговые переговоры. Именно этот момент и было решено в Наркоминделе использовать для решения вопроса о репатриации русских солдат через Швейцарию. Чичерин сообщил швейцарскому посланнику в Москве Ожье, что Берзину поручено начать переговоры о торговле со Швейцарией. Одновременно Чичерин просил выяснить ответ швейцарского правительства на нашу просьбу о пропуске русских солдат из Франции.

Швейцарское правительство не спешило с ответом. Только 24 сентября 1918 г. Ожье сообщил в НКИД, что швейцарское правительство намерено разрешить проезд через свою территорию русских солдат, возвращающихся в Россию, при условии, что проезд по Швейцарии будет осуществляться без остановок. В этой же телеграмме он запрашивал о решении Советского правительства о торговом договоре.

«Высоко ценим дружественный ответ Вашего Правительства, приветствуем согласие на пропуск русских солдат,— писал Чичерин в тот же день Ожье.— Что касается договора о торговле, хотим установить временный режим с продлением действия договора, исключая некоторые неприемлемые статьи, до момента завершения работ по подготовке нового договора»¹⁹

За всей сумятицей и сложностью каждодневных возникающих вопросов Я. А. Берзин никогда не забывал о задаче, которую поставил ему перед отъездом в Берн В. И. Ленин,— распространять среди зарубежной общественности правдивые сведения о Советской России.

Было не просто публиковать за границей правдивую информацию о Советской России. Весь коллектив миссии работал напряженно, переводя советские декреты, ноты, обращения, речи. Миссии удалось опубликовать целую серию брошюр с документами Советской власти, со статьями и выступлениями В. И. Ленина и других советских партийных и государственных деятелей.

А работать становилось все труднее, реакция усиливалась с каждым днем, кантональные власти Швейцарии отказывались признавать законность документов, выданных советской миссией. Советским дипломатическим курьерам чинились препятствия при переезде границы. Каждый приезд курьера из Москвы был праздником для сотрудников миссии. В конце августа курьер привез Я. А. Берзину личное письмо от В. И. Ленина: «Дорогой тов. Берзин! Пользуюсь оказией, чтобы черкнуть пару слов привет. Благодарю за издания от всей души.

Ваш Ленин.

¹⁹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 501.

Р. С. Шлите по экземпляричку интересных газет (с отзывами о бе-ках) и новые брошюры, все и всякие: английские, французские, немецкие и итальянские»²⁰. Деятельность советской миссии в Швейцарии неуклонно расширялась. Того же добились советская дипломатия и в некоторых других европейских странах.

* * *

Перед советской дипломатией в Берлине стояла задача положить предел продвижению германских войск в России, смягчить последствия Брестского договора и «положить конец созданному этим договором неопределенному положению, открывшему широкий простор политике захватов по отношению к России»²¹. Одним из важнейших путей нормализации отношений с Германией могло быть налаживание торгово-экономических связей. Именно эти задачи и ставились перед советской дипломатией в Берлине.

В мае 1918 г. особенно сложным стал вопрос о Черноморском флоте. Вопреки Брестскому договору, Германия требовала возвращения русского флота из Новороссийска в Севастополь, оккупированный немцами, ссылаясь на мнимое участие судов Черноморского флота в борьбе против германских войск.

11 мая советский полпред А. А. Иоффе получил телеграмму от Г. В. Чичерина: «Сообщив о том, что часть русского Черноморского флота ушла из Севастополя в Новороссийск, граф Мирбах заявил нам, что опасность нападения со стороны наших кораблей на германские может принудить германские военные власти занять Новороссийск.

Мы ответили графу Мирбаху, что факт нахождения русского флота в русской гавани, каковой является Новороссийск, не представляет никакой опасности для германского флота, согласуется с Брестским договором и не дает германцам права на занятие русской территории... Просим Вас повторить наше заявление правительству в Берлине и добиваться прекращения всяких военных действий»²².

Переговоры с чиновниками МИД Германии продвигались медленно. Немцы все время выдвигали новые требования. И вот тогда, не согласовав с Москвой, Иоффе направил германскому правительству ноту, в которой соглашался на отвод судов Черноморского флота в Севастополь на условии заключения мира между Советской Россией и Украиной. Это было серьезной ошибкой. В. И. Ленин в этой связи написал следующее письмо: «Чичерин передал мне текст ноты, которую Иоффе *от себя* послал немецкому правительству, соглашаясь на отдачу судов Черноморского флота (т. е. на отвод их из Новороссийска в Севастополь) на условии *только* мира с Украиной. Между тем наше правительство в ясной ноте (по радио сообщенной и Иоффе) признало возможным согласиться на отвод судов в Севастополь *на иных* условиях, именно: 1) *мир на всех трех фронтах*, т. е. и с Украиной и с Финляндией и с Турцией; 2) не — аннексия Севастополя.

Как мог Иоффе сделать такую ошибку? Как мог он так «продешевить»? Как можно было вообще по столь важному вопросу посылать ноту *от себя*, не посоветовавшись, не понимая...»²³

Тем временем министерство иностранных дел Германии спешило полностью использовать просчет Иоффе. Уже 12 июня ему вручили новую ноту с ультиматумом: либо будут выполнены обязательства относительно судов в Новороссийске до 15 июня, либо германское командование будет принимать дальнейшие меры, руководствуясь исключительно военными соображениями²⁴.

Обстановка становилась угрожающей. На другой день А. А. Иоффе вызвали к прямому проводу на переговоры с В. И. Лениным. В ответ на взволнованное сообще-

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 150.

²¹ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики, стр. 62.

²² «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 284.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 80—81.

²⁴ «Советско-германские отношения». Сб. документов, т. I, 1917—1918. М., 1968, стр. 559.

ние Иоффе о германском ультиматуме В. И. Ленин ответил спокойно: «Все возможное делается. Продолжайте энергично, терпеливо и выдержанно Вашу политику. Ленин»²⁵.

В эти тревожные дни, когда Германия предъявляла новые и новые требования, а в Сибири полыхал бело-чехословацкий мятеж, поддержанный странами Антанты, из Наркоминдела в Берлин сообщали: «Внутреннее положение: очень, очень тяжелое. Ильич уверен, что продержимся»²⁶.

А. А. Иоффе не знал, что вопрос о Черноморском флоте Советским правительством был уже решен, но речь не шла о его передаче немцам в Севастополе. Еще 24 мая на докладной записке начальника морского главного штаба Ленин написал резолюцию: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно»²⁷. После ультиматума немцев приказ Советского правительства был выполнен: большинство судов было потоплено 18—19 июня 1918 г. у берегов Новороссийска.

В эти напряженные дни Иоффе казалось, что в осложнениях в переговорах с немцами во многом повинны НКИД и лично Чичерин, который будто бы излишне вмешивается в его работу полпреда Советской республики, — ведь он представитель правительства, а не Наркоминдела. Он резко написал об этом в одном из писем к В. И. Ленину. И вот пришел ответ. «Дорогой тов. Иоффе! Сердит я на Вас, по правде сказать, до крайности. Людей мало, все переработались до чертиков, а Вы устраиваете такую вещь: много *делового* пишете в *личном* письме ко мне (последнем, карандашом) и вставляете ряд *личных* вылазок, выпадок, шпилек и проч. против Чичерина («ненастоящий» м-р²⁸ и т. п.). Чичерину же пишете: «перспективы в письме к Ленину».

Это же ведь черт знает что такое!

Конечно, Чичерин спрашивает у меня письмо, я показать не могу, не желая быть орудием склоки. Выходит порча делу и порча отношений.

Чичерин — работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить. Что его слабость — недостаток «командирства», это не беда. Мало ли людей с обратной слабостью на свете!

Работать с Чичериным можно, легко работается, но испортить работу даже с ним можно.

Вы придираетесь к нему, но Комиссариат иностранных дел вправе и на Вас жаловаться, ибо Вы не считаетесь с ним, а *без* ведома и разрешения наркома иностранных дел, конечно, послы не вправе делать решающих шагов.

Надеюсь, Вы примете все меры, чтобы сии *Mißstände*²⁹ устранить...

Жму руку. Ленин»³⁰.

6 июля 1918 г. советскому послу в Берлине доложили, что чиновник министерства иностранных дел Германии Надольный срочно хочет его видеть. Надольный был краток, он сообщил, что сегодня в Москве убит германский посол Мирбах. Надо было немедленно связаться с Москвой. Но все попытки оказались безрезультатными, немцы ссылались на порчу провода. Тогда, не дожидаясь указаний из Москвы, Иоффе посетил министра иностранных дел Кюльмана и от имени Советского правительства выразил глубочайшее сожаление по поводу случившегося. Он вручил одновременно Кюльману ноту, в которой выражалось убеждение, что «это ужасное событие не будет в состоянии помешать успешной работе, которой неуклонно отдают все свои силы императорское и представленное мною правительства в целях восстановления прочных дружественных отношений между двумя великими народами»³¹.

На другой день советское посольство в Берлине получило радиотелеграмму от В. И. Ленина. «Сегодня в 2 часа дня двое неизвестных, пробравшись с подложным документом от Чрезвычайной комиссии в германское посольство, бросили бомбу в кабинет графа Мирбаха. Граф Мирбах, тяжело раненный, скончался. Правительство,

²⁵ Там же, стр. 556.

²⁶ АВП СССР. Письмо НКИД от 2 июня 1918 г.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 81.

²⁸ По-видимому, министр.

²⁹ Недостатки.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 111.

³¹ С. З а р н и ц к и й, А. С е р г е е в. Указ. соч., стр. 89.

представители которого немедленно посетили германское посольство и выразили ему свое негодование по поводу этого акта политической провокации, принимает все меры к обнаружению убийц для предания их чрезвычайному Революционному трибуналу. Усилены меры для охраны немецкого посольства и германских граждан. Правительство поручает Вам немедленно посетить германского министра иностранных дел и выразить германскому правительству возмущение русского правительства этим актом, а равно семью убитого графа Мирбаха для выражения ей своего соболезнования»³². В этот же день эсеры подняли мятеж в Москве, Ярославле, Рыбинске и других городах, выдвигая провокационные требования немедленного объявления войны Германии.

Тем временем германское правительство предъявило ультиматум о вводе немецких войск в Москву якобы для защиты своего посольства. В рейхстаге и в буржуазной печати раздавались призывы принять срочные военные меры для «наказания Советской России».

15 июля Чичерин сообщил в Берлин, что временный поверенный Германии Ридлер сегодня снова посетил Наркоминдел и настаивал на вводе германских войск в Москву. Необходимо знать позицию германского правительства. Из Берлина ответили: «Борются различные тенденции, но большинство за мир с нами и за начало мирных торговых сношений. Сейчас обсуждается именно этот вопрос. Существует сомнение в нашей прочности, которое усугубляется паническими донесениями Ридлера, но именно поэтому нужна твердость».

В тот же день В. И. Ленин выступил на заседании ВЦИК. К. Паустовский, присутствовавший на нем в качестве корреспондента, рассказал в своих воспоминаниях: «Вошел Свердлов, позвонил и глухим голосом сказал, что слово для чрезвычайного сообщения предоставляется председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину.

Зал дрогнул. Все знали, что Ленин был болен и ему нельзя говорить.

Ленин быстро прошел на трибуну. Он был бледен и худ. На горле у него была марлевая повязка. Он крепко взялся руками за края трибуны и долгим взглядом обвел зал. Было слышно его прерывистое дыхание»³³.

Сообщив о требовании немцев ввести в Москву батальон солдат, В. И. Ленин сделал правительственное сообщение. «Правительство Советской республики прекрасно сознавало, заключая Брестский мир, какую тяжелую задачу пришлось рабочим и крестьянам России, в силу сложившегося тогда международного положения, взять на себя. Воля подавляющего большинства IV съезда Советов была вполне ясна: трудящиеся классы требовали мира, нуждаясь в отдыхе для работы, организации социалистического хозяйства, для собирания и укрепления сил, надорванных мучительной войной.

Исполняя волю съезда Советов, правительство строго выполняло тяжелые условия Брестского мира, и в последнее время довольно далеко подвинулись уже наши переговоры с германским правительством о самом точном определении размеров тех платежей, какие падают на нас, и о способах расплаты, которую мы решили произвести в кратчайший возможный срок.

Но, точнеешим образом выполняя брестские условия и охраняя волю рабочих и крестьян иметь мир, правительство Советской республики никогда не упускало из виду, что есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой»³⁴.

С трибуны Ленин сходил под гром аплодисментов. Ультиматум немцев о вводе войск был отклонен.

Во второй половине июля 1918 г. было достигнуто соглашение с Германией: подсобный персонал германского представительства и разнообразных германских комиссий увеличивался до 300 человек. Советское правительство со своей стороны соглашалось предоставить особо надежную охрану для германского представительства.

Переговоры в Берлине продолжались. Руководил ими Л. Б. Красин. О нем А. М. Горький говорил: «Есть люди, для которых дело — ярмо...

³² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 113.

³³ «Дипломатическая деятельность В. И. Ленина». М., 1970, стр. 31.

³⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 524—525.

Но есть художники нашего, земного, дела, для них работа — наслаждение.

Леонид Красин был из тех редких людей, которые глубоко чувствуют поэзию труда, для них вся жизнь — искусство»³⁵.

Леонид Борисович Красин родился 15 июля 1870 г. в г. Кургане в семье мелкого служащего³⁶. В детстве его интересовала природа, он с увлечением коллекционировал камни, насекомых, старался разгадать составы кислот и солей. И когда 17-летний юноша закончил Тюменское реальное училище, вопрос о том, куда идти дальше, для него был абсолютно ясен: он поступил в Петербургский технологический институт.

По воспоминаниям Н. К. Крупской в тот период из петербургских институтов «только «техноложка» была оплотом марксизма и пыталась вплотную подойти к вопросу об организации рабочего движения, заводила связь с рабочими. Первыми марксистами из студентов-технологов были Цивинский, М. И. Бруснев, Л. Б. Красин»³⁷.

Именно с этой, институтской, поры начался длинный, тяжелый, но овеванный вдохновением и романтикой революционный путь Л. Б. Красина. В первый раз его арестовали в 1890 г. за участие в студенческих выступлениях. Он был исключен из института и выслан под надзор полиции в Казань. Но, как очень способному студенту, Красину было разрешено осенью того же года вернуться в Петербург и продолжать учиться в Технологическом институте.

В 1891 г. за участие в похоронах писателя-демократа Шелгунова Красин был вновь арестован и выслан в Нижний Новгород. Там он отбывал воинскую повинность и продолжал активно участвовать в работе марксистских кружков. Весной 1892 г. последовал новый арест. Красин был отправлен в Москву и заключен в одиночную камеру Таганской тюрьмы. Но и там он продолжал упорно работать: изучал иностранные языки, западных философов и социологов. В 1893 г. Красин был выпущен на поруки и отправлен в Тулу в пехотный полк. В 1894 г. — новая репрессия: Красин за революционную работу выслан в село Калач Воронежской губ. В 1895 г. новый арест и высылка в Иркутск.

Летом 1897 г. Красин получил разрешение вернуться в европейскую часть России, исключая столицу и некоторые другие города, и поступить в Харьковский технологический институт, который он закончил в 1900 г. Все эти годы Красин — активный участник революционных студенческих кружков.

По приглашению товарища по революционной работе в Петербурге, известного инженера Р. Э. Классона, Л. Б. Красин, окончив институт, переехал в Баку и работал на строительстве электростанции на Баилловском мысу. Всю жизнь он с величайшим удовольствием вспоминал о четырех годах интенсивной работы в Баку. Это была одна из ярких страниц в революционной деятельности Красина. В Баку он вместе с Л. Кацховели, Л. Гальпериним и Н. Козеренко организовал искровскую группу, которая создала ряд подпольных типографий в Баку, а также наладила транспортировку матриц «Искры» по маршруту Вена — Тавриз — Баку и Марсель-Батум — Баку. После II съезда партии Красин был кооптирован в члены ЦК РСДРП.

Не менее интенсивной в этот период была работа Красина-инженера. При скептически враждебном отношении со стороны старых инженеров к электрификации нефтяной промышленности Роберт Классон вместе с Красиным и группой других молодых инженеров воздвигали грандиозное здание электростанции на Баилловском мысу с комплексом жилых домов и служб и, по словам Красина, «закладывали основы научной электрификации нефтяной промышленности».

Летом 1904 г. Красин по рекомендации А. М. Горького переехал в Орехово-Зуево для работы по модернизации электрической станции на фабриках Саввы Морозова. От Саввы Морозова, сочувствовавшего русскому революционному движению, Красин получал значительные суммы для финансирования партии. В 1905 г. Красин был вынужден перейти на нелегальное положение. В мае 1905 г. он принял участие в работе III съезда партии в Лондоне и вошел в состав нового ЦК РСДРП.

После III съезда партии с огромным вдохновением и энергией берется Красин за подготовку вооруженного восстания. Ему удается легализовать свое положение, и в

³⁵ «Известия», 19.XII.1926.

³⁶ См. подробнее о Л. Б. Красине: С. В. Заплицкий, Л. И. Трофимова. Советской страны дипломат. М., 1968.

³⁷ См. Б. Могилевский. Призвание инженера Красина. М., 1970, стр. 13.

конце лета он получил место заведующего кабельной сетью Петербурга. Умело проводя конспирацию, Красин возглавил работу по организации боевых дружин и снабжению их оружием. В. И. Ленин высоко оценивал деятельность Красина в этот период, называя его «ответственным техником, финансистом и транспортером» партии³⁸. Красин принимал самое активное участие в работах IV и V съездов партии, избирался в члены ЦК.

1 мая 1907 г. Л. Б. Красин был арестован в Москве. Ему удалось доказать, что в Москву он приехал по служебным делам, и через 17 дней его освободили. Но полиция уже не спускала с Красина глаз. Работать становилось все труднее. В марте 1908 г. на даче в Куоккала в Финляндии Красин был снова арестован вместе с одним из участников боевой технической группы и помещен в Выборгскую тюрьму. Красину, как руководителю боевых дружин в период революции 1905—1907 гг., грозила виселица. Попытка организовать побег из тюрьмы не удалась. Петербургская жандармерия требовала у финских властей его выдачи, которые, согласно законам Финляндии, сообщили, что выдадут Красина при получении обвинительного постановления из петербургского суда. Петербургская бюрократическая машина работала медленно, и через месяц после ареста на том основании, что финские законы не допускали ареста сроком свыше месяца без предъявления формального обвинения, друзья Красина добились его освобождения через финский сенат. Красин выехал в Гельсингфорс, а оттуда, пользуясь партийными явками, переправился за границу.

Он устроился на место младшего инженера в крупнейшей электротехнической фирме «Сименс и Шуккерт». Работая на ее заводах, Красин завоевал себе имя выдающегося инженера. Этим и объясняется сделанное ему предложение руководством фирмы занять пост заведующего ее Московским отделением. В 1912 г. фирма добилась у царских властей разрешения на его въезд и работу в Россию. В 1913 г. Красин был переведен в Петербург на должность директора всех русских предприятий фирмы.

Отойдя от активной работы в партии, Красин и в эти годы оставался убежденным марксистом. С первых дней Февральской революции он снова активно включился в политическую борьбу. Вместе с А. М. Горьким принял участие в организации газеты «Новая жизнь». Вскоре после Октябрьской революции Красин встретился с В. И. Лениным и заявил о своей готовности работать для партии и молодого Советского государства.

В те дни в Бресте решался вопрос: быть или не быть мирной передышке. И Красин поехал в Брест. Затем он выехал по заданию партии в Стокгольм, чтобы установить связи с промышленными и торговыми кругами Запада.

И, наконец, Л. Б. Красин в Берлине, где он должен был участвовать в сложных, невероятно трудных переговорах с немцами о заключении соглашений, дополнявших Брестский мирный договор. Он приехал в столицу Германии в мае 1918 г., когда немецкая военщина еще кричала на весь мир о своих будущих победах. Но советский дипломат с первых же дней увидел, что этих побед не будет. Силы Германии были на исходе.

Проходил день за днем, и Красин, подводя итоги многочисленных встреч и анализируя поступившие материалы, все больше убеждался в том, что его первые впечатления не обманули. Наиболее дальновидные дельцы видели, что не силой, а путем развития торговых отношений Германия сможет получить у России необходимые ей сырье, хлеб. Они охотно шли на переговоры с советским дипломатом, и перед ним все шире распахивались двери особняков и деловых кабинетов. Именно дельцы устроили ему встречу с тогдашним вершителем немецкой внешней и внутренней политики генералом Людендорфом. И под их давлением генерал был вынужден оставить свои угрозы и заявить Красину: «Уж если банкиры и промышленники так заинтересованы в торговле с Россией, то я не имею ничего против осуществления подобного эксперимента».

Переговоры продвигались медленно. И вдруг убийство Мирбаха. Но, как говорил Чичерин, «после убийства Мирбаха левыми эсерами 6 июля оказалось, что у германского империализма руки слишком полны, чтобы желать воспользоваться этим несравненным случаем во что бы то ни стало для удушения Советской России»³⁹.

³⁸ «Ленинский сборник», т. V, стр. 279.

³⁹ Г. В. Ч и ч е р и н. Статьи и речи по вопросам международной политики, стр. 108.

28 июля в Москву приехал новый германский представитель Гельферих, один из виднейших специалистов по экономике. В Берлин Чичерин направил телеграмму: «Скажите Красину, его присутствие здесь необходимо. Без него Гельфериху некого противопоставить». В Берлине переговоры подходили к концу. Через несколько лет, оценивая роль Красина в берлинских переговорах, А. А. Иоффе писал, что он «принес нам огромную пользу, и если мы в договоре дали самый крайний минимум того, что могли обещать, если мы «выторговали» у немцев в этом договоре максимум того, что тогда от германцев-победителей можно было получить,— то в этом большая часть заслуг Леонида Борисовича Красина»⁴⁰. Вскоре Красин выехал в Москву.

27 августа в Берлине были подписаны русско-германские добавочные договоры, по которым Германия брала обязательство прекратить дальнейшее продвижение по территории Советской России и очистить некоторые оккупированные районы. Советская Россия обязывалась выплатить 6 млрд. марок. В эту сумму входили оплата содержания военнопленных и возмещение убытков, понесенных Германией в результате аннулирования займов и национализации германской собственности. Вскоре после заключения договора в Берлин из германского консульства в Москве пришло информационное письмо, в котором говорилось, что договор от 27 августа принес «усиление позиций Советского правительства в политической и даже стратегической области, в экономическом и моральном, в особенности в международном, отношениях и укреплении большевиков вовне и внутри»⁴¹.

* * *

В просторном кабинете наркома иностранных дел на креслах лежали толстые подшивки русских и иностранных газет, нижний ящик книжного шкафа был выдвинут и там виднелись рулоны географических карт, на большом столе в разноцветных обложках были разложены подборки документов. Чичерин готовился к выступлению на заседании ВЦИК, на котором предстояло решить вопрос о ратификации русско-германских добавочных договоров, подписанных 27 августа. Доклад был почти готов, оставалась одна концовка. Чичерин задумался. Ему вспомнилось выступление В. И. Ленина на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. Там В. И. Ленин говорил: «К защите отечества мы относимся с осторожностью, все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем»⁴². Именно по указанию В. И. Ленина были начаты переговоры с немцами. Он тщательно следил за ходом переговоров, «сочетая своевременные уступки с твердостью в тех случаях, когда надо было положить предел чрезмерной требовательности противной стороны»⁴³. Теперь трудные переговоры были позади. Чичерин повернулся к стенографистке, сидевшей за маленьким столиком, и четко продиктовал заключительную фразу своего доклада: «Суммируя содержание договоров в целом, можно сказать, что они фиксируют дань, уплачиваемую нами за наше революционное законодательство, которое мы теперь можем свободно продолжать, и в то же время отчасти фиксируют и отчасти ограничивают результаты германского наступления на нас, которым Брест-Литовский договор оставил широкую возможность дальнейшего проявления, и в некоторых пунктах, в особенности в вопросе о начинающемся очищении нашей территории, эти договоры представляют для нас серьезное улучшение нашего положения»⁴⁴.

Доклад закончен. Из открытого окна доносился шум улицы. Здесь в гостинице «Метрополь», куда в первых числах июля 1918 г. переехал Наркоминдел, было более шумно и беспокойно, чем на тихой Спиридоновке. Но были свои преимущества: тут же находились и жилые комнаты Чичерина и других ответственных сотрудников Наркоминдела и была возможность в любое время суток, не теряя времени на дорогу, разрешить тот или иной вопрос. А летом 1918 г., как говорил Ленин, Советская респу-

⁴⁰ См. С. В. Зарницкий, Л. И. Трофимова. Указ. соч., стр. 40, 41.

⁴¹ «История внешней политики СССР. 1917—1945». М., 1966, стр. 86.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 342—343.

⁴³ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики, стр. 278.

⁴⁴ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 467.

блика не могла пожаловаться «на недостаток политических кризисов и быстрых политических изменений»⁴⁵.

В вихре политических событий Центральный Комитет партии и Советское правительство не упускали из вида вопрос о строительстве и упрочении государственного аппарата. Большое внимание уделялось организации дипломатической службы, ее кадрам. 30 мая 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров Г. В. Чичерин был утвержден народным комиссаром по иностранным делам. Еще в дни Октябрьской революции на пост наркома по иностранным делам намечался Чичерин, но он сидел в тюрьме в Англии, и на этот пост назначили Троцкого. Последний практически не занимался работой Наркоминдела. После срыва брестских переговоров он и формально был освобожден от работы в Наркоминделе, а Чичерина тогда назначили временно замещающим наркома.

В апреле и мае 1918 г. Чичерин часто встречался с Лениным. Шло обсуждение проблем, связанных с организацией советской дипломатической службы, определением порядка приема иностранных дипломатов. Вся организационная работа проводилась на основе совершенно новых, провозглашенных Октябрьской революцией принципов советской дипломатии.

Для обсуждения ряда внешнеполитических вопросов, а также комплекса проблем, связанных с организацией дипломатической службы, было решено вызвать в Москву В. В. Воровского. Он приехал 8 июня и в тот же день был принят В. И. Лениным. В конце июня 1918 г. после основательной подготовки состоялось совещание с участием В. И. Ленина, Г. В. Чичерина и В. В. Воровского по вопросам организации НКИД и иностранных представительств России. Было решено ввести в штаты НКИД должность управляющего делами всего комиссариата с функциями: организовать распределение входящего материала по отделам, создать руководство технической частью и обеспечить сношения с другими ведомствами.

Управляющие делами в отделах обязывались обрабатывать материал в своей области, держать народного комиссара в курсе дел, касающихся положения в тех или иных странах, представлять ему рефераты по вопросам печати и литературы данной страны, вступать в переговоры с представителями стран в тех случаях, когда эти переговоры народный комиссар не считает нужным вести лично.

В решении подчеркивались и обязанности народного комиссара, который должен информировать заведующих отделами об общем политическом курсе и до принятия решений по вопросам той страны, отношения с которой представляют объект работы данного отдела, требует от заведующих информации и консультации⁴⁶.

На этом совещании серьезному обсуждению подверглась работа советских представительств за границей. Обмен мнениями был полезен. В результате были выработаны следующие указания:

1. Советские представительства за рубежом должны по вопросам государственной важности запрашивать директивы от народного комиссара иностранных дел. Отступления от этого правила возможны только тогда, когда откладывание того или другого решения угрожает серьезной опасностью. В таких крайних случаях самоличное решение допустимо, но за личной политической ответственностью представителя перед правительством.

2. Комиссариат иностранных дел снабжает наши иностранные представительства необходимым печатным материалом, информирующим о внутренней и внешней политике правительства, составляет для них памятные записки по всем важным очередным вопросам, посылает им циркулярные телеграммы и сообщения.

3. Сношения иностранных представительств Советской республики с другими ведомствами республики ведутся через Народный комиссариат иностранных дел.

4. Советские иностранные представительства устраивают у себя информационные отделы, которые снабжают регулярно НКИД руководящими органами печати другой страны, журнальным и книжным материалом, нужным НКИД для информации, сооб-

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 523.

⁴⁶ С. Ю. В о г о д с к и й. Указ. соч., стр. 34.

щают ему ежедневную сводку фактов, освещающих внутреннее положение данной страны, равно как и международное положение⁴⁷.

Непосредственный результат этих указаний проявился очень скоро. На другой день в Наркоминдел прислали выписку из постановления Совета Народных Комиссаров от 1 июля 1918 г. Постановление гласило: «Указать товарищу Иоффе на желательность и необходимость предварительных сношений с Народным комиссариатом по иностранным делам перед принятием каких-либо серьезных решений и в особенности перед заключением каких-либо соглашений с Германией»⁴⁸.

Легко было понять, что это постановление, принятое по инициативе В. И. Ленина, выходило за рамки вопроса о деятельности на посту советского посла Иоффе. Оно содействовало общему укреплению авторитета Наркоминдела и его наркома.

4 июля 1918 г. в Большом театре открылся V Всероссийский съезд Советов. Выступал Чичерин. Он ничего не скрывал. Положение Советской России, оказавшейся между двумя империалистическими коалициями, как между двух огней, было неслышанно тяжелым. Но в речи Чичерина не чувствовалось уныния. Он произносил ее с подъемом. И уверенно звучали его слова, когда он, говоря о восточной политике Советского правительства, подчеркнул, что социалистическая Россия не может примириться с существованием в странах Востока режима капитуляций, что она не только сама отказывается от всяких подобных прав, но и готова приложить все усилия, чтобы совместно с народами Востока добиться отмены этой вопиющей несправедливости и дать народам Востока возможность восстановить утерянную ими свободу. Он сказал, что Октябрьская революция пробудила прежде всего в странах Востока стремление к новой, свободной жизни.

Как-то, обсуждая с Л. М. Караханом вопрос о советских представителях в странах Востока, Чичерин сказал: «Несомненно, что нам понадобятся в самом скором времени серьезно подготовленные агенты для самых разнообразных миссий на Востоке и с подготовкой их медлить нельзя ни минуты». Было решено, что необходимо преобразовать имевшееся при бывшем царском министерстве иностранных дел Учебное отделение восточных языков в Академию практического востоковедения.

Постепенно жизнь Наркоминдела входила в строгие организационные рамки. К осени 1918 г. в аппарате НКВД числилось уже 340 сотрудников. Летом 1918 г. начала работать коллегия Наркоминдела. В первое время она состояла всего из четырех человек. Это был деловой орган наркомата. Члены коллегии собирались ежедневно и обсуждали все важные вопросы.

Характеризуя аппарат Наркоминдела, В. И. Ленин писал: «Чем объясняется то, что в Наркоминделе лучший состав служащих? Тем, что там, во-первых, не могли остаться в сколько-нибудь заметной доле дипломаты старой марки, во-вторых, тем, что мы подбирали там заново товарищей, подбирали их исключительно по новым меркам, по соответствию новым задачам, в-третьих, тем, что там, в Наркоминделе, нет того обилия служащих с бора да с сосенки, в сущности, целиком повторяющих старые качества чиновников, как в других наркоматах, и, в-четвертых, тем, что Наркоминдел работает под непосредственным руководством нашего ЦК. Это, собственно говоря, единственный из наших наркоматов, который обновлен у нас полностью, который работает действительно на рабоче-крестьянскую власть и в ее духе, а не только считается работающим так, на самом деле работая в массе против нее или не в ее духе»⁴⁹.

Заканчивался период становления Наркоминдела. Два года спустя, вспоминая пройденный путь, Чичерин писал: это была «трагическая и в то же время полная неистощимой бодрости и лучезарной надежды повесть о непрекращающейся ни на единую минуту борьбе против бесчисленных врагов, не дававшей молодому рабоче-крестьянскому строю буквально перевести дух»⁵⁰. Впервые в истории на международную арену вышла дипломатия, проводившая политику, которая не была направлена против народов других государств, которая отвечала интересам трудящихся всех стран, а потому пользовалась их симпатией и поддержкой.

⁴⁷ С. Ю. В ы г о д с к и й. Указ. соч., стр. 40, 41.

⁴⁸ Там же, стр. 41.

⁴⁹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 447.

⁵⁰ Г. В. Ч и ч е р и н. Статьи и речи по вопросам международной политики, стр. 98.